

Цюй Хайяо настойчиво твердил, что не согласен, а Овиева весело поддразнивала его. Даже она чувствовала, что финал приближается, но Цюй Хайяо, казалось, совсем не нервничал, напротив, его настроение было на высоте. Она думала, что он с нетерпением ждёт предстоящего соревнования, которое пройдёт буквально у него под носом. На самом же деле мысли Цюй Хайяо ещё не забежали так далеко. Он просто застрял на мысли: «Скоро я буду репетировать песню вместе с Жун И! Да ещё и песню, которую он написал для меня!» Этого было достаточно, чтобы он наслаждался этим моментом всю жизнь. Для Цюй Хайяо в тот момент победа в соревновании казалась не такой уж важной.

В день возвращения в Пекин Цюй Хайяо и Жун И договорились встретиться у учителя Цэня, чтобы обсудить готовую песню. Цюй Хайяо с трудом контролировал своё сердцебиение, которое, казалось, ускорилося на несколько ступеней. Он чувствовал себя словно в лёгком опьянении. Боже мой! Жун И написал для меня песню! Жун И написал для меня песню! Цюй Хайяо чуть не начал кататься по машине от восторга, но Линь Ци тут же отчитал его, строго запретив такое недостойное поведение.

Когда они прибыли к учителю Цэню, они едва успели обменяться парой слов, как появились Жун И и Ло Янь. Цюй Хайяо буквально влетел в Жун И, как только увидел его, двигаясь так быстро, что Линь Ци рядом с ним почувствовал лишь порыв ветра.

— Брат! — радостно воскликнул Цюй Хайяо, демонстрируя свои навыки мгновенного перемещения, а затем обнял Жун И за плечи. — Ты пришёл так быстро! Я думал, что мне придётся ждать, пока учитель Цэнь закончит ругать меня, прежде чем ты появишься. Если бы я знал, я бы пришёл ещё раньше.

Цюй Хайяо выглядел так, словно сожалел об упущенной возможности. Жун И фыркнул:

— Хватит, я уже видел, как тебя ругают, разве мало? Но я тоже думал, что ты ещё не пришёл, и хотел сначала показать учителю Цэню песню.

Ло Янь и Линь Ци, стоявшие позади, обменялись взглядами, понимая, о чём думает каждый из них. Жун И и Цюй Хайяо, которые не виделись какое-то время, казались ещё более привязанными друг к другу, чем в прошлый раз. Если раньше они выглядели как обычные братья или старший и младший, то сегодня... Линь Ци мысленно цокал языком: они вели себя так, будто никому не позволяли вклиниться в их общение.

Кроме Цэнь Гуаньиня, сегодня также присутствовал учитель Ду, который ранее тренировал Цюй Хайяо. Все собравшиеся были знакомы, поэтому, как только дверь закрылась, Жун И без лишних слов достал планшет, открыл программу и показал всем новую песню.

Когда музыка зазвучала, все в комнате, кроме Жун И, замерли, затаив дыхание. Когда песня закончилась, они даже не могли выдохнуть.

Это была песня длиной более семи минут. Цюй Хайяо ожидал, что Жун И, известный своими металлическими композициями, напишет что-то энергичное и захватывающее. Однако первые звуки, которые услышали слушатели, были мягкими и медленными, словно капли дождя, падающие на влажную землю. Эта мелодия задела Цюй Хайяо до глубины души, словно его сердце стало таким же чувствительным, как очищенный моллюск. Он понял, что первые минуты песни, включая вступление фортепиано, описывали его самого в ту ночь.

Это была ночь десятилетнего юбилея «MENU», когда он напился в туалете, и его нашёл Жун И.

Слёзы мгновенно залили лицо Цюй Хайяо. Он широко раскрыл глаза, даже не думая вытирать свои слёзы. Песня была как водоворот, без предупреждения затянувший его в воспоминания. Он летел вместе с мелодией, вспоминая все моменты, которые они пережили с Жун И. Он не знал, сколько времени Жун И писал эту песню, но он понимал, что она значила. Жун И сказал, что написал эту песню для него, и это действительно была песня о нём. Другие, возможно, не поняли бы её, и никто не смог бы прочувствовать её так, как Цюй Хайяо.

Только когда Линь Ци потрянул его, Цюй Хайяо вернулся в реальность. Линь Ци, вытирая ему лицо салфеткой, с беспокойством спросил, что случилось. Зрение Цюй Хайяо всё ещё было затуманено, ресницы были мокрыми от слёз. Он машинально вытер лицо, сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

Линь Ци ожидал, что, придя в себя, Цюй Хайяо почувствует неловкость перед своим кумиром, ведь Жун И смотрел на него с явным отвращением. Однако взгляд Цюй Хайяо был полон страсти, словно он смотрел на давно потерянного возлюбленного. Жун И, казалось, не особо обращал на это внимание, но Линь Ци уже чувствовал себя настолько неловко, что его волосы, казалось, начали выпадать от смущения.

— Похоже, мне не нужно спрашивать, нравится ли тебе песня, — с сарказмом произнёс Жун И, хотя на его лице всё ещё играла лёгкая улыбка, в которой смешивались насмешка и нежность.

Цэнь Гуаньинь был в восторге, его лицо и жесты говорили о том, что он готов был подпрыгнуть от радости и аплодировать:

— Парень... Я столько лет не слышал, как ты пишешь песни, ты сильно изменился...

— Старею, вот и приходится меняться, — шутливо ответил Жун И. — Давайте, поделитесь мнением.

Цэнь Гуаньинь и учитель Ду обменялись взглядами, оба немного помолчали, а затем учитель Ду высказал своё мнение:

— Как сингл, песня уже прекрасна. Но если вы собираетесь исполнять её вживую, да ещё и в Национальном большом театре, я думаю, есть многое, что можно улучшить. Например, с середины можно добавить струнные, постепенно увеличивая их присутствие. В Национальном большом театре такие возможности, грех ими не воспользоваться.

Жун И сел на сцену, кивнув:

— Я тоже об этом думал. Просто я давно не занимался камерной музыкой, и мне не хватает уверенности. Вот зачем я к вам пришёл.

Цэнь Гуаньинь и учитель Ду одновременно рассмеялись. Цэнь Гуаньинь указал на Ло Яня:

— А Ло Янь не может тебе помочь?

Жун И бросил на Ло Яня презрительный взгляд:

— Этот? Он кроме барабанов и палочек ничего не знает.

Ло Янь, обычно холодный и немногословный, высоко поднял бровь:

— Ты опять за своё? Тогда не слушай моего совета. Ударные нужно полностью переделать,

первые минуты вообще не использовать ритм-инструменты, через две минуты добавить бас, а потом убрать литавры — зачем тебе литавры в этой песне? Один бас-барабан тебя убьёт. А ты ещё и в Национальном большом театре будешь выступать! Там столько скрипок, а ты их как украшение оставляешь? В детстве ты же играл на скрипке, это было для тебя как игра. Или используй синтезатор, сэмплы у тебя такие застывшие, где нужно плавность — там жёсткость. Я же тебе говорил, слушай больше трип-хопа. У тебя целый X8 стоит, а ты сэмплы используешь как в диско восьмидесятых. Ты что, хочешь, чтобы в концертном зале висел космический шар, а ты карабкался по шесту?

Цэнь Гуаньинь безудержно засмеялся, а учитель Ду, хотя и сдержаннее, но его лицо тоже расплылось в улыбке. Жун И выглядел так, словно проглотил муху, и, казалось, обдумывал, какую кость Ло Яня ему стоит сломать первой. Цюй Хайяо и Линь Ци стояли в оцепенении. Они, особенно Цюй Хайяо, не были близки с Ло Янем, и в их редких встречах он казался холодным и суровым, словно герой из фильма про супергероев. Линь Ци общался с Ло Янем чуть больше, но в основном по телефону, и даже тогда Ло Янь оставался немногословным. Теперь же, увидев, как он превратился из «ледяного гриба» в «пулемётный горох», Линь Ци почувствовал себя так, словно увидел сову, ловящую рыбу в океане, или Роналду, играющего в теннис.

— Ты глухой? В первые минуты я вообще не использовал ритм-инструменты!

— А тот контрабас, который я слышал, это свинья визжала?

— Это ты визжал!

— Ты опять за своё?

— Как раз вовремя, я в настроении, давай, покажи, на что ты способен!

Когда словесная перепалка уже грозила перерасти в потасовку, Цэнь Гуаньинь медленно, словно это его совсем не касалось, вмешался:

— Ладно, ладно, хватит. Займитесь делом. Вам уже не дети, а всё ещё как в детстве — два слова, и сразу в драку.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16304/1471087>